

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЭКО)

Скоскина Дарья Григорьевна,

магистратура, Программа «Медицинское и фармацевтическое право», СПбГУ, 1 курс.

***Аннотация.** ЭКО является одной из самых распространённых программ вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в России, в его правовом регулировании по-прежнему обнаруживается множество пробелов. Наиболее рациональным видится разрешение поставленных в данном докладе и других вопросов, возникающих в сфере применения ВРТ, на уровне федерального законодательства, путём издания отдельного федерального закона, который будет регулировать правоотношения в сфере ВРТ.*

***Ключевые слова.** Репродуктивные технологии, права пациентов, законодательство.*

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES (USING THE EXAMPLE OF IVF)

Darya Grigoryevna Skoskina,

Master's degree, Program "Medical and Pharmaceutical Law", St. Petersburg State University, 1st year.

***Annotation.** IVF is one of the most widespread assisted reproductive technology (ART) programs in Russia, and there are still many gaps in its legal regulation. The most rational solution seems to be the resolution of the issues raised in this report and other issues arising in the field of ART application at the level of federal legislation, by issuing a separate federal law that will regulate legal relations in the field of ART.*

***Keywords.** Reproductive technologies, patient rights, legislation.*

Вспомогательными репродуктивными технологиями (далее – ВРТ), согласно положениям п.1 ст.55 Федерального закона от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – 323-ФЗ), признаются методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских

и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство¹. Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 года №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» среди программ ВРТ упоминаются экстракорпоральное оплодотворение (далее – ЭКО, признана базовой программой), инъекция сперматозоида в цитоплазму ооцита, криоконсервация половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, использование донорских ооцитов, спермы и эмбрионов, суррогатное материнство². Клинические рекомендации «Вспомогательные репродуктивные технологии и искусственная инсеминация» дополняют этот перечень вспомогательным хэтчингом, преимплантационным генетическим тестированием, операцией по получению сперматозоидов для ИКСИ³. На практике несколько методов нередко применяются в совокупности (например, самая частая комбинация – ЭКО+суррогатное материнство). Несмотря на то, что программы ВРТ широко распространены в России и используются не одно десятилетие, правовое регулирование их применения на практике обнаруживает лакуны, которые приводят к неоднозначным судебным спорам и правовой незащищенности как родителей, так и детей. Основная цель настоящего исследования состоит в описании некоторых наиболее распространенных и острых проблем правового регулирования, которые возникают при применении ЭКО, а также в обозначении некоторых возможных путей их решения. К задачам данного исследования относится анализ отдельных примеров

¹Федеральный закон от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

²Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 года №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

³Клинические рекомендации «Вспомогательные репродуктивные технологии и искусственная инсеминация» от 28.12.2018 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

из судебной практики, наиболее ярко иллюстрирующих недостатки правового регулирования в изучаемой сфере, а также обозначение правовых рисков, которым подвергаются пациенты при прохождении процедуры ЭКО ввиду недостаточности ее правового регулирования.

Экстракорпоральное оплодотворение – метод преодоления бесплодия, основанный на предварительном оплодотворении женской яйцеклетки в лабораторных условиях, доведении ее до определенной стадии развития и последующем внесении эмбриона в полость матки⁴. Учитывая, что оплодотворение по данной программе происходит *in vitro*, то есть вне тела женщины, некоторые правовые риски, связанные с использованием ЭКО, касаются правового регулирования статуса родителей детей, зачатых таким образом. В самом общем виде фабулу таких дел можно описать следующим образом: через какое-то время после проведения процедуры ЭКО один из родителей узнает о том, что рожденные дети не являются для него генетически родными. Спорные ситуации условно можно разделить на два вида в зависимости от причин: к первому виду относятся случаи, когда причиной рождения не родных генетически детей при отсутствии согласия на это со стороны родителей является ненадлежащее оказание медицинской услуги, а ситуации второго вида обусловлены несовершенством правового сопровождения оказания медицинской услуги, начиная с момента ее заключения.

Первый вид споров ярко иллюстрирует дело №02-2913/2018, рассмотренное Гагаринским районным судом г. Москвы в 2018 году (апелляционным определением Московского городского суда оставлено без изменения)⁵. Истец Н.В.В. и его жена Н.А.А. обратились в одну из клиник репродуктивной медицины для криоконсервации биологического материала истца с тем, чтобы в дальнейшем провести процедуру ЭКО. В 2014 году в результате проведенной процедуры у пары родились близнецы. В 2016 году, как отмечено в реше-

⁴Семинский И.Ж. *Курс лекций по медицинской генетике / Экстракорпоральное оплодотворение: медицинские и социальные аспекты.* – Иркутск, 2001. – С.75.

⁵Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 19.10.2018 по делу №02-913/2018 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

нии суда, «ввиду возникших у истца сомнений в физиологическом сходстве истца с рожденными детьми», им был проведен тест ДНК, который показал, что истец не является биологическим отцом детей. В 2017 году Савеловский районный суд г. Москвы удовлетворил требования истца об оспаривании отцовства и исключении записи об его отцовстве из свидетельств о рождении детей. В рамках рассматриваемого дела Н.В.В. обратился в суд с требованием о взыскании с клиники компенсации морального вреда в связи с оказанием услуги ненадлежащего качества, а также материального ущерба, в который, по его мнению, входило содержание не родных ему детей в течение трех лет, оплата нескольких генетических экспертиз и расходы на оплату услуг юриста. Исковые требования были удовлетворены частично: в пользу истца была взыскана компенсация морального вреда, а также штраф в размере 50% от присужденной ему суммы иска на основании п.6 ст.13 Закона РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей»; в удовлетворении остальных исковых требований было отказано. При детальном рассмотрении решение суда кажется в определенном смысле противоречивым. Взыскивая в пользу истца с клиники компенсацию морального вреда, суд признал действия ответчика неправомерными, оперируя в решении таким понятием, как «услуга ненадлежащего качества». Вместе с тем, однако, в решении присутствует следующая фраза: «...Получение положительного результата в рамках проведенной процедуры, наступление беременности у Н.А.А. и последующее рождение детей в установленном порядке не оспорено». Таким образом, в одном решении суда фигурируют понятия «услуга ненадлежащего качества» и «положительный результат», которым, очевидно, суд полагает наступление беременности в результате проведения процедуры ЭКО и рождение детей впоследствии. Что же тогда считать услугой надлежащего качества в рамках проведения процедуры ЭКО? Только ли наступление беременности и рождение детей? Рождение здоровых детей? Или же рождение здоровых и при этом генетически родных для пары детей, если из договора на оказание медицинских услуг по программе ЭКО четко усматривается их желание иметь именно родных детей? Отсутствие в действующем законодательстве определения услуги ненадлежащего качества в отношении медицинских услуг чревато тем, что в дальнейшем в ситуациях, по-

добным описанной, истцы могут столкнуться с трудностями в доказывании факта ненадлежащего оказания медицинской услуги (в данном случае – проведения процедуры ЭКО), поскольку непонятно, в каком случае медицинская услуга будет признана оказанной явно некачественно, что, в свою очередь, породит возможность слишком широкого усмотрения судов. Как справедливо замечают исследователи, определения недостатка и существенного недостатка услуги, данные в Законе о защите прав потребителей, не являются достаточными для их использования в отношении медицинских услуг. В 323-ФЗ среди критериев качества оказания медицинской помощи присутствует степень достижения запланированного результата, и данный критерий представляется наиболее применимым к процедуре ЭКО в свете анализа качества данной медицинской услуги. Поэтому если запланированный результат (в данном случае – рождение генетически родных детей) не был достигнут ввиду нарушения клиникой принятых нормативных правовых актов, стандартов и клинических рекомендаций, а не по не зависящим от нее обстоятельствам, то признать результат оказания медицинской услуги, связанной с использованием ВРТ, положительным невозможно.

Дело, рассмотренное Верховным судом в 2019 году, имеет схожую фабулу с московским, однако возможными реализацию данной фабулы сделали другие условия⁶. В 2015 году истец Г.В.А. и ответчик, его жена Г.О.А., заключили с другим ответчиком, ЗАО «Медицинская компания ИДК» договор на предоставление платных медицинских услуг. На основании нотариально удостоверенной доверенности жена истца подписала информированное добровольное согласие на проведение процедуры ЭКО с использованием биологического материала истца. Однако беременность не наступила. В дальнейшем истец оформил новую доверенность, на основании которой его жена вновь приобрела право быть его представителем во всех организациях и учреждениях г. Самары и Самарской области, в том числе и в ЗАО «Медицинская компания ИДК». После этого жене истца повторно была проведена процедура ЭКО, в результате которой в семье родилась дочь. Однако, проведя генетический

⁶ *Определение Верховного суда РФ от 26.11.2019 №46-КГ19-24 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».*

тест, впоследствии истец узнал, что девочка не является для него биологически родной дочерью. Как выяснилось в дальнейшем, жена Г.В.А., действуя на основании доверенности, подписала от его имени согласие на ЭКО с использованием донорского биологического материала, в результате чего наступила беременность. Истец обратился в Промышленный районный суд г. Самары с иском о признании доверенности недействительной и об оспаривании отцовства. Суды первой и апелляционной инстанций отказали Г.В.А. в удовлетворении исковых требований, обосновывая решение тем, что истец добровольно подписал доверенность, дававшую его жене право подписывать от его имени любые соглашения без ограничений, а также был информирован обо всех методах, используемых при применении ВРТ, в том числе о возможности проведения ЭКО с использованием донорского материала. По мнению судов, этого достаточно для того, чтобы полагать, что истец добровольно принял на себя права и обязанности по воспитанию и содержанию родившегося ребенка. Верховный суд же указал на неправомерность выводов судов нижестоящих инстанций, обосновывая свою точку зрения совокупностью положений ч.1 ст.20 323-ФЗ и п.30 Постановления Пленума Верховного суда РФ (далее – ВС, ВС РФ) от 16.05.2017 №16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», первостепенное значение при применении ВРТ отдающих информированному добровольному согласию пациентов и указывающих на необходимость получения такового от обоих супругов в случае, если планируется использование донорского биологического материала. Дело в части оспаривания истцом отцовства было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции, в результате чего исковые требования в этой части были удовлетворены. Справедливость и правомерность решения ВС РФ не вызывают сомнений, однако, учитывая тот факт, что к таким выводам пришла только высшая судебная инстанция, их обоснование далеко не для всех является очевидным. Данное решение значимо по двум причинам. Во-первых, ВС этим решением фактически подтвердил невозможность подписания информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство по доверенности. Во-вторых, и выводы ВС, сама фабула дела наталкивают на вопрос о правомерности распрос-

транения презумпции родительства, закрепленной в п.4 ст.51 Семейного кодекса РФ⁷, на ситуации, когда ребенок родился в результате использования ВРТ. В проанализированном случае получилось так, что согласия мужчины на использование донорского материала фактически не было, однако его имя все равно было указано в свидетельствах о рождении детей в графе «отец», что повлекло в дальнейшем затяжные судебные процессы по оспариванию отцовства.

Ошибки, возникающие при применении ЭКО, в результате которых в семьях рождаются дети, не являющиеся генетически родными для родителей, нарушают права не только родителей, но и самих детей. В обеих описанных ситуациях дети были уже в достаточно осознанном возрасте для того, чтобы понимать, кто их отец и мать, они привыкли к определенным людям, которые выполняли роль их родителей. Судебные же решения, которыми были удовлетворены иски о признании отцовства по исключению записи об отцовстве из соответствующих документов, восстановили права истцов, однако могли негативно повлиять на психологическое состояние детей, которые привыкли к этим людям и считали их родными. Именно поэтому особенно важно устранение подобных пробелов в правовом регулировании применения ВРТ, которое бы позволило разрешать все спорные вопросы до рождения детей – то есть до того момента, когда они могут от этого пострадать.

Вторая проблема применения ВРТ, за рубежом ставшая предметом оживленных дискуссий еще несколько десятилетий назад, а в России только набирающая обороты, является вопрос дальнейшего использования эмбрионов в случаях, когда пара прекращает свои отношения. Дальнейшую судьбу замороженных эмбрионов мужчина и женщина могут решить при заключении договора об оказании платных медицинских услуг: например, после развода в зависимости от выбора супругов распоряжаться эмбрионами могут только муж, только жена, только клиника; также в договоре можно предусмотреть уничтожение эмбрионов в случае развода или распоряжение их судьбой исключительно по обоюдному согласию супругов. Однако на практике нередко случается так, что что, даже если подоб-

⁷*Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // Дос-туп из СПС «Консультант. Плюс».*

ные спорные вопросы урегулированы договором, после развода позиция одного из супругов принципиально меняется, что в дальнейшем становится причиной судебных споров.

Одно из первых таких дел в России было рассмотрено Московским городским судом в 2015 году⁸. Истцом и его женой с клиникой был заключён договор об оказании платных медицинских услуг, в рамках которого была произведена криоконсервация эмбрионов. Впоследствии супруги развелись, а эмбрионы находились на хранении в клинике. Истец желал расторгнуть договор с тем, чтобы в дальнейшем биоматериал был уничтожен, и указывал на то, что прекращение брачных отношений является существенным изменением условий, из которых стороны исходили при заключении договора, ввиду отсутствия его намерений в дальнейшем иметь с бывшей женой общих детей. Судом первой инстанции в удовлетворении иска было отказано, суд апелляционной инстанции оставил решение без изменения на основании следующего. Согласно пояснениям представителя ответчика, перед процедурой ЭКО пара подписала соглашение, в соответствии с которым судьбу эмбрионов в случае развода определяла жена. Суд счёл, что по сути своей иски направлены на расторжение именно этого соглашения; кроме того, суд указал на то, что сам договор оказания медицинских услуг не может быть расторгнут по заявлению одной из сторон, так как для этого необходимо обоюдное согласие супругов, в то время как бывшая жена истца согласия на его расторжение не давала. Решение судов в данном случае небесспорно, так как без внимания остался главный аргумент истца: при сохранении эмбрионов есть вероятность того, что в будущем он станет отцом детей своей бывшей жены против своей воли со всеми вытекающими из этого обязательствами, что видится таким же нарушением репродуктивных прав, какое имеет место, например, в случае полного запрета на аборт для женщин.

Интересно сравнить данное дело с другим делом, рассмотренным также Московским городским судом в 2021 году (апелляционное определение Московского городского суда по делу №33-27798/2021

⁸ *Апелляционное определение Московского городского суда от 24.03.2015 №33-9401/2015 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».*

от 08.07.2021)⁹. Истец, О.Л.К., обратилась в суд с иском к московской клинике репродуктивных технологий с требованием о признании права на распоряжение результатами процедуры ЭКО, признании права на проведение процедуры ЭКО, возложении обязанности проведения процедуры ЭКО, взыскании убытков, компенсации морального вреда и штрафа. В 2018 году истец и ее сожитель, Ф.И.О., подписали информированное добровольное согласие на проведение процедуры ЭКО/ИМСИ, заключив с клиникой договор на оказание платных медицинских услуг; при этом договором предусматривалось, что в случае развода право распоряжения замороженными эмбрионами переходит к истцу. В феврале 2019 года О.Л.К., продолжавшая к тому моменту проходить консультации врача и необходимые обследования, обратилась в клинику с требованием осуществить перенос замороженных эмбрионов, в чем ответчиком ей было отказано на основании того, что Ф.И.О. было отозвано информированное добровольное согласие на участие в процедуре. Учитывая тот факт, что примерно в то же время, согласно требованиям договора, О.Л.К. и Ф.И.О. уведомили клинику о прекращении фактических семейных отношений, истец, ссылаясь на пункт договора, гласивший, что в случае развода право единолично распоряжаться судьбой оставшихся эмбрионов приобретает она, вновь потребовала осуществить процедуру переноса. Клиника вновь отказала клиентке, сославшись на то, что, согласно договору, условием для приобретения истцом права на распоряжение эмбрионами является развод с Ф.И.О., в то время как брак между ними зарегистрирован не был, соответственно, развод оформлен также не был. Женщина обратилась с иском в суд. Зюзинским районным судом г. Москвы в удовлетворении требований было отказано; апелляционным определением Московского городского суда решение оставлено без изменения. Обосновывая решение, суд апелляционной инстанции принял во внимание отзыв со стороны Ф.И.О. информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, и его возражения против процедуры переноса эмбрионов, отсутствие зарегистрированного брака между ним и О.Л.К., сделавшее невозможным

⁹Апелляционное определение Московского городского суда по делу №33-27798/2021 от 08.07.2021 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс»

применение пункта договора о праве истца решать судьбу эмбрионов, а также правовые последствия, которые повлечёт для Ф.И.О. рождение ребёнка от О.Л.К. В данном случае позиция Московского городского суда видится справедливой и обоснованной. Однако спорную ситуацию «облегчило» отсутствие зарегистрированного брака и, соответственно, оформленного развода между истцом и её бывшим сожителем, которое фактически сделало недействующим пункт договора, предоставлявший истцу право решать судьбу замороженных эмбрионов. Сравнивая данное дело с делом 2015-го года, приходится признавать, что говорить о выработанности и однородности судебной практики по таким вопросам преждевременно: каждую отдельную ситуацию суд разрешает по-своему, притом не всегда судебные решения отвечают принципу справедливости.

Зарубежная судебная практика также предлагает разные пути решения поставленной проблемы. В 1995 году в Израиле было рассмотрено дело «Нахмани против Нахмани», очень схожее по фабуле с российским, с той лишь разницей, что соглашения о порядке дальнейшего использования эмбрионов в случае развода пара не составляла¹⁰. После развода муж категорически отказывался подписывать согласие на имплантацию эмбрионов в организм суррогатной матери, в результате чего г-жа Нахмани подала в суд с требованием обязать его сделать это. Окружной суд удовлетворил искивые требования, указав на то, что у мужа в данном случае прав на отзыв своего согласия на имплантацию эмбриона не больше, чем у мужчины в случае оплодотворения естественным путем. Такая позиция суда весьма спорна: отличие между процедурой ЭКО и естественным зачатием заключается в том, что в первом случае оплодотворение происходит вне материнского организма и до момента имплантации в него как раз является обратимой. Верховный суд Израиля отменил данное решение, указав на недопустимость принуждения мужчины в вопросе родительства при таких условиях, однако в конечном итоге решение было пересмотрено, в результате чего семь судей из одиннадцати сочли требования г-жи Нахмани

¹⁰Косенко Е.В., Демкина Е.А. *Права на репродуктивный материал: зарубежный опыт.* – Вестник Саратовской государственной юридической академии. – №4. – Саратов, 2017. – С.92-96.

подлежащими удовлетворению, аргументируя это тем, что иных способов стать матерью в данной конкретной ситуации у неё не было.

Противоположное решение вынес Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в 2005 году по делу «Эванс против Соединённого Королевства»¹¹. Фабула дела заключалась в том, что после развода г-н Эванс отозвал своё согласие на продолжение хранения эмбрионов или использование их бывшей женой для имплантации и настаивал на их уничтожении. Узнав об этом, перенесшая операцию по удалению яичников вследствие онкологического заболевания г-жа Эванс, для которой замороженные эмбрионы были единственной возможностью стать матерью генетически родного ребёнка, подала иск в суд с требованием обязать бывшего мужа восстановить своё согласие на проведение ЭКО с имеющимся биоматериалом. ЕСПЧ заключил, что лишение противоположной стороны после развода какой-либо возможности отозвать своё согласие на использование эмбрионов было бы нарушением права на частную и семейную жизнь, гарантированного ст. 8 Европейской Конвенции по правам человека. Решение ЕСПЧ основано на законодательстве Соединённого Королевства, которое прямо предусматривает возможность отозвать согласие на использование эмбрионов вплоть до момента их имплантации, и в подобной ситуации такая позиция видится справедливой, так как соответствует одному из главных принципов реализации репродуктивных прав – добровольности решения о том, становится родителем или нет. Контраргументом может послужить утверждение о том, что в таком случае для второй стороны, для которой, как в деле «Эванс против Соединённого Королевства», реализация биоматериала, согласие на использование которого отозвано, является единственной возможностью стать родителем генетически родного ребёнка, отказ от родительства также не является полностью добровольным. Однако нужно иметь в виду, что такой безвыходной ситуации можно было бы избежать, например, путём оставления нескольких замороженных неоплодотворённых яйцеклеток, которые впоследствии можно было бы

¹¹Постановление ЕСПЧ от 07.03.2006 по делу «Эванс против Соединённого Королевства» // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

использовать для процедуры оплодотворения от анонимного донора или постоянного партнёра в случае, если таковой появится. Возможности же избежать нежелательного родительства в случае, если одна из сторон получит возможность использовать эмбрионы без согласия второй стороны и намерена её реализовать, просто нет.

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо признать, что несмотря на то, что ЭКО является одной из самых распространённых программ ВРТ в России, в его правовом регулировании по-прежнему обнаруживается множество пробелов. Наиболее рациональным видится разрешение поставленных в данном докладе и других вопросов, возникающих в сфере применения ВРТ, на уровне федерального законодательства, путём издания отдельного федерального закона, который будет регулировать правоотношения в сфере ВРТ. Имеющими первостепенное значение видятся следующие шаги:

1) законодательное закрепление условий, при которых медицинская услуга в сфере ВРТ явно не сможет считаться надлежащего качества;

2) отказ от безусловного применения презумпции родительства, закреплённой в п.4 ст.51 СК РФ, в случае рождения ребёнка с помощью ВРТ;

3) введение законодательной регламентации отзыва согласия на использование биоматериала при использовании ВРТ в России. Такая возможность напрямую вытекает из положений ст. 20 323-ФЗ, предусматривающей право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения. Суды уже начинают принимать во внимание эту возможность в делах по применению ВРТ (как в случае с апелляционным определением Московского городского суда от 08.07.2021), однако судебная практика в этой области в настоящее время слишком неоднородна и противоречива.

Список использованных источников

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.03.2015 №33-9401/2015 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

2. Апелляционное определение Московского городского суда по делу №33-27798/2021 от 08.07.2021 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

3. Клинические рекомендации «Вспомогательные репродуктивные технологии и искусственная инсеминация» от 28.12.2018 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

4. Косенко Е.В., Демкина Е.А. Права на репродуктивный материал: зарубежный опыт. – Вестник Саратовской государственной юридической академии. – №4. – Саратов, 2017. – С.92-96.

5. Определение Верховного суда РФ от 26.11.2019 №46-КГ19-24 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

6. Постановление ЕСПЧ от 07.03.2006 по делу «Эванс против Соединённого Королевства» // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

7. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 года №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

8. Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 19.10.2018 по делу №02-913/2018 // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

10. Семинский И.Ж. Курс лекций по медицинской генетике / Экстракорпоральное оплодотворение: медицинские и социальные аспекты. – Иркутск, 2001. – С.75-79.

11. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант. Плюс».

